

© 1992 г.

Ю.В. ШИШКОВ

НА ПУТИ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ (социальный аспект)

ШИШКОВ Юрий Витальевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН. В журнале «Социологические исследования» публикуется впервые.

Все мы испытываем тяжкое бремя шоковой терапии, которая прописана нашей тяжело больной экономике и российским правительством, и авторитетным консилиумом экспертов Международного валютного фонда. За первое полугодие такого врачевания цены потребительских товаров и услуг взлетели в среднем в десять раз, а по сравнению с июнем 1991 г. — в 13 раз. Несмотря на неоднократные корректировки оплаты труда, реальные доходы рабочих и служащих за последний год, по данным Госкомстата России, снизились на 32%, а фактически — значительно больше. Почти 1/3 общества оказалась за чертой прожиточного минимума. Неуклонно обесцениваются денежные сбережения трудящихся. В особо драматичном положении находятся наиболее уязвимые слои — пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи, студенты. Но беда не только в удорожании товаров и оскудении семейных бюджетов. Происходит резкое снижение производства [1]. Не хватает самых нужных лекарств, становятся все более недоступными лечение, летний отдых, иные условия поддержания жизни и здоровья людей.

Такого катастрофического падения уровня жизни народ не знал, пожалуй, с военной поры. Понятно, что многие тревожатся за свое будущее, в памяти встают времена застоя, когда жизнь была намного легче и сохранялась уверенность в том, что завтра

не станет хуже, чем сегодня. Одних охватывает ностальгия по прошлому, и люди, выходят на митинги под красным знаменем и лозунгами «Нас предали!». Другие, пользуясь своим монопольным положением в народном хозяйстве (шахтеры, транспортники, нефтяники), стремятся с помощью забастовок схватить правительство за горло и добиться для себя исключительной оплаты труда, не считаясь ни с чем. Третьи в условиях острого дефицита товаров готовы нажиться путем спекуляции за счет своих же бедствующих сограждан. Перечень крупных групп населения с разнонаправленным социальным поведением можно продолжить. Но и без того ясно: общество распадается на части, движимые различными, нередко противоположными интересами и эмоциями, оказывается все менее целостным, все труднее управляемым.

Зеркалом этой неоднозначной социальной ситуации стал VI Съезд народных депутатов России, расколовшийся на непримиримых противников и сторонников курса Президента и правительства. Результатом чего явились два по своей сути противоречащих друг другу документа: Постановление «О ходе экономической реформы в Российской Федерации», признавшее правительственную политику неудовлетворительной и внесшее коррективы, делающие дальнейшее ее продолжение невозможным, и «Декларация о поддержке экономической реформы», одобрявшая действия руководителей государства [2]. Двойственное отношение к рыночным преобразованиям (вроде бы и нужны, но очень уж болезненны), очевидно, неизбежно и будет сохраняться далее. Тем не менее важно все-таки уяснить, какую социальную цену нам придется заплатить за возвращение в цивилизованную экономику и насколько она соизмерима с ожидаемыми благами.

Не слишком ли велика цена?

Чтобы ответить на этот вопрос, полезно сравнить наши социальные издержки, сопутствующие разворачивающейся реформе, с теми трудностями, которые переживают прочие страны «реального социализма», как и мы зашедшие в тупик и старающиеся вырваться на общую магистраль мировой цивилизации. Еще в 1949 г. такие усилия начала предпринимать, правда, без особого успеха, Югославия. В 1956 г. на путь реформ тщились встать Польша, позже — Венгрия и Чехо-Словакия, но их попытки натолкнулись на недовольство советского руководства, а иногда вызвали даже вооруженную интервенцию. Лишь в 1989—1990 гг. после революционных перемен во всех восточноевропейских государствах приступили к кардинальному экономическому обновлению. Однако в силу исторических и внутривнутриполитических особенностей оно осуществляется по-разному. К методу шоковой терапии прибегли Югославия, Польша и Чехо-Словакия. Несколько вяло и нерешительно реорганизуется хозяйственное устройство Болгарии, Румынии и Албании, где власть значительно дольше сохранялась в руках номенклатурной элиты.

Шоковая терапия — система взаимосвязанных мер экономического и социального плана, нацеленных на полный переход от командной экономики к рыночной в относительно сжатые сроки — от двух до трех лет. В сущности это скорее хирургия, чем терапия. Речь идет об отмене государственных субсидий низкорентабельным или нерентабельным предприятиям, освобождении оптовых и розничных цен, укреплении кредитно-финансовой дисциплины и стабилизации денежной единицы, приватизации и демополизации производства при одновременной Замене прежней системы социальной защиты населения новой, более гибкой и эффективной.

Крутая ломка старой модели хозяйствования неизбежно сопровождается глубоким разладом ранее притертых производственных, распределительных, денежно-кредитных и социальных механизмов общества. Наступает кризис, выражающийся во взлете инфляции, спаде производства, увеличении безработицы и, естественно, временном снижении материального благосостояния большинства людей. В ходе кризиса нежизнеспособные ткани экономического организма отмирают. Но как только заработают рыночные рычаги, в первую очередь конкуренция и взаимобалансирование платежеспособного спроса и предложения, цены начинают стабилизироваться, складываются новые рациональные про-

Ежегодный прирост потребительских цен, %

Страны	Годы						
	1981— 1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Болгария	0,9	2,7	2,7	2,4	6,2	19,3	480,0
Венгрия	6,8	5,3	8,6	15,5	18,8	28,9	34,0
Польша	35,8	17,3	25,5	59,0	259,5	584,7	60,4
Румыния	5,1	0,3	0,4	1,7	0,9	5,7	367,0
Советский Союз	1,2	1,9	1,9	2,3	1,9	5,3	240,0
Чехо-Словакия	1,8	0,4	0,1	0,2	1,5	18,4	60,0
Югославия	45,2	87,5	126,7	194,1	1 252,0	580,0	644,0

Источник: [3]

порции отраслевой и территориальной производственных структур, набирают темп долгосрочные вложения капиталов, возобновляется экономический рост и жизненный уровень повышается.

Так эта операция выглядит в теории. На практике же возникает множество неувязок и нестыковок, тормозящих или осложняющих нормальное развитие кризисного периода. Особую проблему представляют готовность и способность основной массы населения вытерпеть эту операцию, протекающую без анестезии. Когда пациент начинает ерзать, мешает хирургам, шансы на успешный ее исход резко снижаются, и конечный результат может быть плачевным. Поскольку же в каждой стране есть силы, не заинтересованные в коренных изменениях, либо желающие использовать общественную напряженность в своих политических целях, указанная проблема становится и вовсе взрывоопасной.

Как проходят эти болезненные процессы в других странах? Прежде всего, нигде не обошлось без резкого всплеска инфляции. Югославия и Польша, давно отличавшиеся инфляционными тенденциями, после либерализации цен (в 1988 и в 1989—1990 гг. соответственно) получили десятикратное ускорение ее темпов. Однако в Польше, начавшей с середины 1990 г. повсеместную приватизацию, рыночные механизмы уже на следующий год обеспечили спад инфляционной волны. В Югославии же приватизация сильно запоздала. Поэтому даже отсутствие здесь индексации заработной платы не позволило сдержать натиск инфляционной стихии. Впрочем, гражданская война поломала весь ход реформы: когда говорят пушки, молчат законы, как юридические, так и экономические. В Чехо-Словакии, где либерализация цен происходила одновременно с приватизацией, инфляционная волна оказалась невысокой. А в Венгрии, осуществляющей реформу наиболее системно, темпы роста цен выглядят самыми умеренными (табл. 1).

Что касается Болгарии, Румынии и Албании, которые длительное время были поглощены внутривнутриполитической борьбой, то там экономические преобразования немало топтались на месте и оттого, как и в Советском Союзе, происходил стихийный развал хозяйства, сокращались производство и доходы государственного бюджета, увеличивалась денежная эмиссия для покрытия бюджетного дефицита и, разумеется, цены тоже быстро росли, но без надежды на оздоровление экономики.

После освобождения цен в России, когда они разом подскочили шестикратно (до конца 1992 г. возрастут, по определению специалистов, не менее, чем в шестнадцать раз), мы оставили позади Польшу 1990 г., и, по-видимому, значительно опередим Югославию 1939 г. Словом, на повороте к рынку нас занесло в один из самых крутых инфляционных виражей.

Терпение народа определяется, как известно, не самим ростом цен, а степенью падения реального уровня жизни. Если правительство умело индексирует заработную плату, успешно маневрирует пенсиями и прочими компенсирующими инструментами, уровень удается сохранять на приемлемой отметке. Он, конечно, не может не снижаться (без этого нельзя стабилизировать денежную сферу, а значит оздоровить всю эконо-

мику), но ему важно удержаться в социально допустимых пределах. В большинстве стран Центральной и Восточной Европы введен обязательный минимум оплаты труда: в Венгрии в размере 45% от среднего заработка наемных работников, в Чехо-Словакии — 60%, в Польше он периодически пересматривается с учетом инфляции. Кроме того, почти везде ежегодно заработная плата индексируется с довольно высоким коэффициентом (0,6—0,7) к средним розничным ценам основных потребительских товаров [3]. Вместе с тем, чтобы она не подстегивала инфляцию и во избежание большого разрыва в размерах личных доходов разных социальных групп введены ограничивающие налоговые механизмы. Наконец, система социальной защиты включает меры по поддержке безработных, пенсионеров, инвалидов и других лиц, лишенных возможности зарабатывать собственным трудом.

Все это вместе взятое позволило в целом избежать слишком резкого падения жизненного уровня основной массы населения. Согласно оценкам венского Института международных экономических сопоставлений, в Югославии даже в условиях острого внутривластного кризиса и начавшейся в 1991 г. гражданской войны реальный среднедушевой доход упал только на 17%, в Польше в самом трудном для нее 1990 г. — на 20%, в ЧСФР — на 24%, в Албании — на 35%, а в Болгарии — на 58% (данные 1991 г.). В Венгрии за чертой бедности пребывают 12% жителей [4]. На этом фоне Россия, где жизненный уровень снизился примерно на треть, хотя и не выглядит рекордсменкой, попадает все же в число наименее благополучных стран.

Правда, нас пока не очень затронуло такое социальное последствие реформы, как безработица. Если в Румынии весной текущего года безработные составили 4,6% всех трудоспособных, в Венгрии — 8,9%, в Болгарии — чуть выше 11%, в Польше — 11,4%, в Албании — более половины, то Россия к началу августа насчитывала их лишь 780 тыс., то есть около 0,93% [5]. Но эти цифры не дают повода для ликования. Дело в том, что все еще действует инерция затратной экономики: руководители государственных предприятий и учреждений, несмотря на сокращение производства, продолжают держать и оплачивать лишний персонал, рассчитывая как и прежде, получать из бюджета субсидии или банковские кредиты в соответствии со «штатным расписанием». Как только начнется широкая приватизация и развернется настоящая конкуренция, «отложенная» безработица быстро превратится в явную. По выкладкам Министерства труда и занятости, уже в нынешнем году в России будет не менее 6 млн. безработных, то есть около 7,2% от общего числа пригодных к труду [6].

Сравнивая всю совокупность социальных издержек первых месяцев нашей шоковой терапии с опытом стран Центральной и Восточной Европы, можно сделать вывод, что Россия в целом пока не выходит за верхний предел «вилки» основных негативных показателей, свалившихся на наших соседей. Отсюда, казалось бы, проистекает надежда, что и социальная напряженность у нас, как и там, останется в пределах нормы.

Осложняющие обстоятельства

Однако успокоительный вывод представляется недостаточно обоснованным, если принять во внимание специфику нашего положения. Из целого ряда осложняющих его исторических, экономических и социальных особенностей выделим три: неизмеримо более длительное, чем в остальных странах, воздвигнувших «реальный социализм», господство командно-распределительного хозяйствования и внедрение принципов социалистической справедливости; разрушение под напором национально-сепаратистских тенденций единого хозяйственного пространства бывшего Союза ССР; сверхмилитаризацию страны и потому чрезвычайно болезненный процесс конверсии.

Американский еженедельник «Тайм» отмечал недавно, что России «будет гораздо труднее перейти к свободному рынку частично из-за ее огромной территории, однако прежде всего вследствие того, что на ней дольше всех была надета „смирительная рубашка“ коммунизма» [7]. Действительно, свыше семи десятилетий — на протяжении

жизни 2—3-х поколений — весь идеологический и репрессивный потенциал тоталитарного государства использовался для того, чтобы в теории и на практике доказать: построенная по модели большой фабрики централизованная система планирования и распределения материальных, кадровых и финансовых ресурсов эффективнее и социально справедливее, чем рыночная экономика. Всякие проявления частного предпринимательства, попытки заработать сверх установленного «потолка» пресекались и карались как уголовное преступление. Под видом недопущения эксплуатации человека человеком элементы рыночных отношений безжалостно подавлялись идеологизированным законодательством и грубым администрированием.

В итоге сформировалось общество, утратившее не только вкус к предпринимательству, но и навыки хозяйственной сметки. Труженики были превращены в послушных исполнителей указаний «руководящих товарищей», сколь бы бессмысленными указания ни были. Сложилась массовая психология людей-роботов, готовых выполнять, что велено, но не способных мыслить самостоятельно, принимать решения или брать на себя риск ответственности. А те, кто еще сохранили активное начало, использовали его главным образом в карьерных целях, чтобы по капиллярам советских, профсоюзных, комсомольских или партийных структур подняться в привилегированное сословие номенклатуры, получить доступ к государственной кормушке и выцезивать ее до конца жизни. По-своему из нее черпали и предприятия, и совхозы, и целые ведомства. Впрочем, все социальные слои, за исключением разве что колхозников, были приучены уповать не столько на себя, сколько на всемогущее государство, которое, подмяв под себя всех и каждого, проявляло заботу о своих подданных от рождения до смерти.

Значительная часть такого общества, отученного думать и действовать самостоятельно, не приемлет ни жестких ветров конкуренции, ни постоянной борьбы за место под солнцем ради собственного благополучия, предпочитая пусть скудное, но иждивенчество за счет государства, пусть на минимальном уровне, но равенство в доходах. Социальные предпочтения этого рода въелись в массовое сознание, подобно религии. Ее исповедуют самые разные слои от номенклатурных реформаторов типа М. Горбачева, который не может переступить через «социалистическую идею», до люмпенизированных псевдопатриотов, иступленно орущих на митингах под портретами Ленина и Сталина. Переделать сию психологию и привить новую, предпринимательскую очень непросто. «Преодоление этих психологических препятствий, по мнению заместителя министра финансов США Д. Мальфорда, будет настолько же трудным делом для нового руководства, насколько трудно трансформировать промышленных и финансовых динозавров — наследие централизованной плановой экономики» [8].

Психологическое и поведенческое наследие прошлого довлеет и над той, пока еще небольшой частью общества, которая решилась «погрузиться в коммерцию». Новоявленные предприниматели сплошь и рядом видят свою цель в том, чтобы урвать как можно больше и по возможности скорее. Разница лишь в том, что раньше так обирали казну, а ныне своих соотечественников, выступающих в качестве покупателей. При теперешнем уровне экономической культуры мы закономерно получаем нецивилизованный дикий рынок, где процветают спекулянты и мафиози — рынок, типичный в прошлом для Европы и Америки периода первоначального накопления капитала, а в наши дни — для многих развивающихся стран. Конечно, такие «прелести» есть и в Польше, и в Югославии, и в других восточно- и центральноевропейских государствах, но вряд ли в пропорциях, присущих нам, ибо там прежняя рыночная цивилизация вымерла все же не столь основательно. Из нашего человеческого материала лепить рыночную экономику намного труднее и дольше.

Другое отягчающее нашу реформу обстоятельство — имперское наследие. Накапливавшиеся столетиями до 1917 г. и десятилетиями сталинского произвола обиды целых народов с крахом тоталитаризма прорвались наружу. Высвобожденная пружина национального самоопределения стремительно распрямилась, разрывая попутно и живые ткани межрегиональных экономических связей, и тонкие переплетения человеческих судеб. Возникло множество проблем, начиная с перебоя в традиционных взаимных поставках

энергоресурсов, сырья, полуфабрикатов, продовольствия и кончая сотнями тысяч беженцев, лишенных жилья, работы и средств существования.

Насколько серьезно разрыв тесных хозяйственных отношений с бывшими союзными республиками подрывает программу реформы, можно судить по следующим цифрам. Через межреспубликанский товарооборот Россия в конце 80-х годов реализовывала 12,2% своего национального продукта и тем же путем покрывала 12,6% своих потребностей. Между тем только за минувший год ее оборот в рамках СНГ упал на 37%, что означает не просто катастрофический развал нормальных воспроизводственных внешних контактов, но и потерю около 4,7% валовой продукции. Из-за нарушения межреспубликанских поставок останавливаются текстильные предприятия, лихорадит машиностроительную, пищевую, все отрасли промышленности. Надо ли говорить, как пагубно это сказывается на оплате труда (из-за вынужденных простоев), занятости, общей социальной напряженности во многих российских регионах?

В нынешнем году, когда началась шоковая терапия, эти бедствия, по всей видимости, углубятся. Особенно в связи с повышением цен на энергоносители и введением национальной валюты в некоторых странах СНГ. Бесспорно, и другие участники Содружества страдают от разрушения устоявшейся хозяйственной общности с Россией не меньше, а возможно даже больше, ведь их экономическая зависимость от нее еще глубже.

Пружина национального самосознания раскручивается и внутри собственного экономического пространства России. Громадные регионы провозглашают суверенитет, в том числе в сфере хозяйства, вводят свои порядки, нередко игнорируя общероссийские интересы и не считаясь со стратегией реформы. Все это вносит немало дополнительной дезорганизации, делает экономические и социальные процессы еще менее предсказуемыми и управляемыми, к тому же грозит повторением югославской трагедии на обширных просторах, населенных народами, различающимися культурно-историческими и бытовыми традициями. Так что у нас социальная цена реформы неизбежно обретает специфическую сепаратистскую «надбавку».

И наконец, еще одна «надбавка» — военно-промышленный комплекс, унаследованный россиянами от одной из двух ракетно-ядерных сверхдержав. Крупными военными расходами, правда, отличались все государства—члены Организации Варшавского договора. На рубеже 90-х годов в Польше они составляли 2,5%, волового продукта, в Болгарии — 4,7%, в Чехо-Словакии — 4,9% [9]. Но нигде это тяжелое бремя не было столь велико, как в СССР, который, чтобы обеспечить ракетно-ядерный паритет со странами НАТО, расходовал на военные нужды 1/5 валового национального продукта. Советский ВПК являл собой не только чрезмерно большие для мирного времени вооруженные силы, но и гигантскую военную экономику — подчиненные ей научно-исследовательские учреждения, заводы, полигоны, аэродромы, порты и многое другое вплоть до военизированных совхозов. Лишь в промышленности нашего ВПК было занято до 16,4 млн. человек, а если учесть их семьи, то окажется, что с этим монстром, пожиравшим огромную долю национальных доходов, были сопряжены судьбы третьей части всего населения Страны Советов [10].

При этом 80% оборонных предприятий расположены на территории России [11]. Сюда же возвращаются войска, дислоцировавшиеся в Центральной и Восточной Европе и в ныне независимых сопредельных государствах. Таким образом, если остальные республики бывшего Союза, за исключением, вероятно, Украины, в значительной степени освобождаются от расточительства на этот, хотя и престижный, но ставший во многом бесполезным объект государственного финансирования, то в российском бюджете еще долго будет сохраняться колоссальная «черная дыра», засасывающая финансовые и материальные ресурсы и мешающая балансировать доходы государства с его расходами, а следовательно, сдерживать темпы инфляции.

Дело, однако, не только в этом. Конверсия военного производства существенно обостряет социальные издержки реформы. По некоторым оценкам, только в результате намеченного на 1992 г. свертывания военного производства высвобождается более миллиона человек [12]. Если добавить к этому сокращение военнотрудовых и банкрот-

ство в недалеком грядущем отдельных гражданских предприятий, нетрудно представить себе, насколько возрастет напряженность на рынке труда. В ближайшем времени это чревато новой дестабилизацией внутрисполитической ситуации и ощутимым сужением социальной базы правительства реформаторов. В перспективе же обернется утечкой, лучших научно-технических умов за границу, истощением российского интеллектуального потенциала: не будем забывать, в «почтовых ящиках» ВПК сосредоточен цвет технической интеллигенции.

Еще один важный аспект засилья ВПК в экономике. С военным производством связано до 4/5 отечественной промышленности. На оборонных заводах выпускается 100% всех телевизоров, швейных машин, фотоаппаратов, видеомагнитофонов, 98% холодильников, 92% оборудования для легкой промышленности, 83% медицинской техники, 76% техники для переработки сельскохозяйственного сырья [13]. Но львиная доля военно-промышленных гигантов являются монополистами в своей области. А так как по понятным причинам они не подлежат приватизации или разукрупнению либо будут приватизироваться в последнюю очередь, эти мощные и лучше всего оснащенные производства надолго останутся оплотом монополизма, сильным тормозом развития конкуренции на рождающемся рынке промтоваров. Это гарантирует им высокие прибыли, а всем прочим — высокие цены, от которых стонут сегодня колхозы и фермеры, промышленные предприятия, приобретающие оборудование, не говоря уже о конечных потребителях продовольственных и промышленных товаров.

Существенные особенности российской действительности внесли заметные коррективы в наше движение к рыночным отношениям. Они позволяют предположить, что его сроки могут оказаться более продолжительными, а общественная плата — выше, чем в странах Восточной и Центральной Европы.

Увы, приходится спешить

Может быть, в этих условиях нужна была не шоковая, а иная реформа, дающая обществу возможность не торопясь перестроиться и психологически, и структурно? Может быть, следовало ориентироваться не на восточноевропейские модели, а на китайскую, предполагающую медленную трансформацию командной экономики в рыночную? За такой путь ратовал, скажем, Президент Узбекистана И. Каримов. Ему же отдавал предпочтение и авторитетный в научном мире ученый-экономист Джон Гэлбрейт. «Вовсе не плохо, если отказ от старого экономического порядка происходит постепенно и обдуманно, — писал он в гамбургском еженедельнике „Цайт“. — Возвращение к нормальному производственному процессу в Западной Европе после второй мировой войны (а задача была значительно менее сложной, чем та, которая ныне стоит перед Восточной Европой и Советским Союзом) длилось почти десятилетие. Великобритании потребовалось семь лет, прежде чем фунт стерлингов стал конвертируемым, и все эти годы в стране были карточки на продовольствие и контроль над ценами. Шоковую терапию требуют лишь те люди, которые ...не раздумывают перед принятием решений и руководствуются формулами, а не фактами. Лишь без спешки есть время на осмысление прагматических результатов... Это единственный путь, на котором можно избежать национальных, этнических, расовых или религиозных конфликтов, поскольку они порождаются прежде всего экономической нуждой» [14].

Что и говорить, без спешки было бы легче маневрировать, «отцы» реформы допускали бы меньше просчетов, да и народ привыкал бы к новым реалиям спокойнее. Беда, однако, в том, что сейчас нам историй не отпущено тех семи или десяти лет, которыми располагала Западная Европа, вернувшись к мирной жизни. Мы слишком долго не решались посмотреть правде в глаза и стряхнуть с себя наваждение «преимуществ социализма».

Между тем уже к 50-м годам стало ясно, что командно-распределительная модель хозяйствования, выручавшая в чрезвычайных ситуациях (братоубийственная классовая битва, сверхскоростная индустриализация, Великая Отечественная война, период выживания из послевоенной разрухи), по своей эффективности в нормальной обстановке

намного уступает той, которая основана на личной материальной заинтересованности непосредственных производителей и их хозяйственной независимости. После 1953 г. предпринимается первая попытка подправить этот порочный механизм: внесены принципиальные изменения в экономическое положение колхозов, развернуто производство товаров народного потребления, введены прогрессивные пенсионные законы, началось массовое жилищное строительство и т.д. Даже такие полумеры дали быструю отдачу: с 1954 г. по 1959 г. в среднем ежегодно объем сельскохозяйственного производства увеличивался на 7%, национальный доход возрастал на 9,1%, реальные доходы населения — на 5,4% [15]. И все-таки основы административно-распределительной экономики остались в неприкосновенности. Хуже того, директивные методы управления переросли в волюнтаризм невиданных масштабов. Целая серия безграмотных решений свела начавшийся подъем на нет — в 1962—1964 гг. экономика государства уже стагнировала.

Вслед за отстранением Н. Хрущева от власти было сделано еще одно усилие внести элементы стимулирования экономического — определены стабильные планы госзакупок сельхозпродукции, повышены цены на сверхплановую ее продажу государству, поощрялось личное подсобное хозяйство и т.п. Промышленные предприятия получили свободу самостоятельно устанавливать важнейшие показатели внутреннего хозрасчета, расширились фонды материального стимулирования. Подверглась пересмотру закостеневшая структура плановых оптовых цен и даже подумывали о переходе к оптовой торговле средствами производства [16]. Увы, эти начинания «косыгинской» реформы 1965 г. были половинчатыми и могли бы увенчаться успехом лишь при условии их углубления и развертывания в целостную систему.

Но они не вписывались в общую организацию командного управления, централизованного планирования и распределения ресурсов. Первые же столкновения сравнительно прогрессивных методов хозяйствования с устаревшим каркасом макроэкономического регулирования поставили вопрос ребром: либо надо демонтировать весь этот каркас, либо подавить возникшие ростки самостоятельности предприятий и колхозов. А тут еще подоспели драматические события «пражской весны» 1968 г. (неотделимой от радикальной экономической программы Ота Шика), до смерти напугавшей наших твердокаменных марксистов-ленинцев. Интересы центральной бюрократии вновь возобладали, и реформа была спущена на тормозах.

Драгоценные годы уходили впустую. Одряхлевший хозяйственный механизм, сложившийся в годы первых пятилеток для достижения политических целей любой ценой, все очевиднее не соответствовал реалиям эпохи научно-технической революции, в русле которой экстенсивная модель экономического роста решительно вытесняется интенсивной, а количественные приоритеты — качественными. Кроме того, в 60-х годах стали явственно ощущаться признаки истощения отечественных природных и трудовых ресурсов. Не осталось свободных для освоения целинных земель; новые месторождения нефти, газа, угля и рудных ископаемых переместились в необжитые северные районы с суровыми условиями, требующими очень больших удельных вложений, послевоенный всплеск рождаемости закончился, и приток рабочей силы резко оскудел. Ко всему этому бездумное экстенсивное хозяйничание «на просторах родины чудесной» привело к экологическому кризису. Все возможные старые пути выхода из приближающегося экономического краха оказались перекрытыми.

Нужен был срочный рывок на принципиально иную дорогу — проторенную магистраль частного предпринимательства. Московская же геронтократия не способна была ни на какие смелые замыслы. Характерен такой эпизод. Когда обнаружилась ограниченность средств экстенсивного развития, кремлевские руководители решили провести пленум ЦК КПСС по вопросам научно-технической политики. Готовясь к нему, проанализировав ситуацию, они испугались открывшейся картины отсталости технического оснащения общества и, как страус, спрятали голову в песок. «До сих пор тот доклад для пленума и мешок справок лежат в Центральном Комитете как улика того, что мы, поняв еще 15—17 лет назад, что надо делать крутой поворот, не сделали его», вспоминал в 1991 г. М. Горбачев [17].

Среднегодовые темпы изменений важнейших показателей экономики СССР, %

Периоды (годы)	Произведенный национальный доход	Народохозяйственная производительность труда	Реальные доходы на душу населения	Промышленное производство	Сельскохозяйственное производство
1956—1960	6,9	4,3	4,1	10,4	6,0
1961—1965	4,4	3,4	2,4	8,6	2,3
1966—1970	4,1	3,0	3,1	8,5	3,75
1971—1975	3,2	1,9	2,5	7,4	0,8
1976—1980	1,0	0,2	0,8	4,4	1,7
1981—1985	0,6	0,0	0,4	3,6	1,0
1986-1990	0,9	1,0	0,8	2,5	1,9
1989	1,5	0,9	-1,2	2,3	1,8
1990	-3,85	-3,6	-3,0	-2,3	-3,5
1991	-16,0	-13,3	-15,5	-7,8	-7,0

Ввиду того, что в публикациях Госкомстата СССР реальные темпы роста систематически завышались, в первых трех колонках до 1985 г. приводятся расчеты Г. Ханина (см. «Коммунист», 1988, № 7, С. 85); после 1985 г. — оценки автора по такой же методике на базе официальной статистики. Данные же по промышленности и сельскому хозяйству взяты из этой статистики без коррекции и потому несопоставимы с предыдущими.

Господствующая элита видела перед собой единственную цель — защитить «великие социалистические завоевания» от главного врага — «мирового империализма» и подстегивала безумную гонку вооружений. Новые западные системы оружия действовали на советских стратегов, как красная тряпка на быка. Реакция политбюро на заокеанские новинки всегда была однозначной: догнать и превзойти во что бы то ни стало! А поскольку эффективность отечественной экономики оставалась втрое ниже американской, то для поддержания военно-стратегического паритета нам требовалось, понятно, втрое больше материальных и других ресурсов. Если в США на оборону уходило в последние годы 6—7% валового продукта, то в СССР — не менее 20%. И не считаясь ни с чем, наше руководство продолжало отнимать у недужной экономики все большую часть ее ресурсов в пользу ВПК.

Это не только отстрочило реформу, но и совсем обескровило народное хозяйство. Промышленное оборудование гражданских отраслей изнашивалось до последней степени: доля износа в 1985 г. составила 38%, в 1990 г. — уже 41% [18]. Социально-бытовые условия основной массы трудящихся оказались в запустении. Производительность труда и капиталоотдача неудержимо покатались вниз. При богатейших природных возможностях страны сельское хозяйство все менее удовлетворяло ее потребности в продовольствии, вынуждая расширять импорт. В последние годы Советский Союз ввозил каждый седьмой килограмм сливочного и каждый третий литр растительного масла, от трети до половины сахара. К середине 80-х годов экономика очутилась на грани катастрофы (табл. 2), которая наступила бы и раньше, если бы в 1973 г. не случился мировой энергетический кризис, взвинтивший цены на нефть и тем самым позволивший нам в течение почти десятилетия получать своеобразную дотацию от нефтеимпортирующих стран в общей сложности размером около 200 млрд. долл. Однако в 1986 г. из-за снижения мировых цен на нефть иссякла и эта кислородная подушка. Крах советской экономики стал лишь делом времени.

Вместо того, чтобы предпринять решительные шаги к коренной реорганизации хозяйственного механизма, новые лидеры, пришедшие к кормилу власти, занялись его косметическим ремонтом, пытаясь соединить «преимущества социализма» с эффективностью рыночной экономики. Несколько лет ушло на разговоры об экономической реформе и бесплодные потуги выработать компромиссную программу, при реализации

которой и овцы остались бы целы, и волки были сыты. А так как экономика неудержимо расплзлась по швам, принимались новые пожарные меры — одна опрометчивее другой. Чтобы стимулировать продажу зерна государству, правительство Н. Рыжкова, в частности, повысило закупочные цены на него, не подумав о том, что тем самым подрывается рентабельность животноводства и оно обрекается на свертывание. Тогда столь же спонтанно правительство И. Силаева подняло их на мясо. М. Горбачев в свою очередь в октябре 1990 г. издал указ об увеличении оптовых цен.

Подобные выборочные и к тому же произвольные акции в отдельных секторах экономики немедленно сказывались на прибыльности тех ее секторов, где цены не повышались. Эти отрасли нужно было срочно поддерживать посредством государственных дотаций. Поэтому в бюджете стали быстро множиться зловещие прорехи, расширить которые помогли также популистские жесты Б. Ельцина и руководителей ряда республик, существенно повысивших расходы на социальные программы без достаточного материального их обеспечения. В итоге бюджетный дефицит СССР, в среднем не превышавший в 1980—1985 гг. 11,5 млрд. руб., в 1986 г. возрос до 46 млрд., в 1988 г. — до 81 млрд., а в 1991 г. — до 200—240 млрд. руб. [19].

Затыкать пробоины пришлось отчасти кредитами Госбанка (за шесть перестроечных лет Совет Министров СССР безвозвратно «позаимствовал» около 400 млрд руб.), отчасти увеличением наличной массы денег. И то, и другое неизбежно ослабляло рубль и закономерно повышало все цены на товары и услуги, что в свою очередь делало невыгодным для промышленных предприятий, колхозов и прочих производителей сбыт продукции по твердым плановым ценам, установленным государством. Всеми правдами и неправдами они отыскивали обходные пути, чтобы продать ее по свободным ценам или обменять в натуре на необходимое им.

Разумеется, это сопровождалось невыполнением плановых поставок в твердых ценах. Началась цепная реакция нарушения сложившихся технологических и иных хозяйственных связей, а за ней — закономерные сбои производства и падение его объема (см. табл. 2). Усилилась поэтому тенденция союзных и автономных республик, а также крупных экономических регионов отстаивать свои жизненные интересы самостоятельно, усугубившая и без того тягостную атмосферу. Стали срываться и международные обязательства, что вызвало угрозу нашей изоляции в мировом сообществе. Кризис экономики перерос в катастрофу. Словом, изжившую себя общественно-экономическую систему взялись перестраивать, реформировать так же бездарно, как до того ею управляли.

В острейшей критической ситуации дальнейшее промедление с реформой означало смертельную опасность. Вместе с тем теперь не осталось возможности сначала стабилизировать финансовую сферу и приватизировать средства производства, а уже потом отпустить цены, как предполагалось в известной программе «500 дней» (не будем касаться здесь утопичности самих сроков этой программы перехода к рынку, например, надежды провести приватизацию в первые 100 дней). Спасти экономику от краха можно было лишь высвобождением всех цен, благодаря чему рынок сам выявит их реальные величины, соотношения и создаст здоровую структуру производства.

Такое высвобождение не должно превращаться в основу перманентной и безудержной инфляции, ибо тогда всякое перспективное предпринимательство становится слишком рискованным либо вовсе нереальным. Оттого пришлось вводить естественные для рыночного механизма ограничения ценового беспредела — лимитировать платежеспособный спрос, что осуществимо только одним путем: добиваться того, чтобы денежная масса в обращении (как наличная, так и безналичная) была меньше совокупной стоимости товаров, предлагаемых продавцами. Вот почему все покупатели — и частные лица, и предприятия — в течение какого-то периода неизбежно должны испытывать стесненность в средствах платежа. Лишь это может остановить рост цен, привести их в соответствие со спросом, стабилизировать общую экономическую ситуацию, восстановить нарушенные и наладить новые хозяйственные взаимосвязи и дать, наконец, возможность производству заработать в полную силу.

Конечно, эта мера крайне болезненна. Дабы она не привела к взрыву, на современном

труднейшем этапе необходима филигранно точная дозировка денежно-кредитных ресурсов как в целом, так и в отношении отдельных групп населения. В обстановке продолжающегося падения производства и нарастающей социальной напряженности, когда волны забастовок то там, то тут раскачивают лодку, в которой все мы сидим, правительству важно обладать виртуозным мастерством, чтобы провести ее между Сциллой гиперинфляции и Харибдой социального возмущения. Обладает ли им нынешнее российское правительство? Вряд ли. Хотя бы уже потому, что его члены при всей их эрудиции никогда прежде не имели серьезной реконструкционной практики. Но опыт приходит, как известно, в процессе самой работы. К тому же никакая другая команда (а «теневых кабинетов» развелось в последнее время немало) не обладает даже тем скромным опытом и тем, пусть неустойчивым международным доверием, какие за несколько бурных месяцев приобрело нынешнее правительство.

Впрочем, ни изощренное знание экономики, ни практическая умудренность не спасут наш общий ковчег от смертоносных рифов, если рулевым будут постоянно толкать под руку, как это делали на VI Съезде некоторые российские депутаты, или как это делают, не осознавая того, участники массовых забастовок. Достаточно на мгновение потерять выдержку и выпустить руль, чтобы круговерть экономического хаоса понесла нас на скалы. Мы обязаны понимать опасность своего положения и ради собственного спасения проявлять здравый смысл, солидарность, а не грести в разные стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономика и жизнь. 1992. N 30. С. 54
2. Российская газ. 1992. 16 апр.; 18 апр.
3. Economic Survey of Europe in 1990—1991. New York, 1991. P. 124-125; Экономика и жизнь. 1992. №6. С. 13.
4. ИТАР-ТАСС «Вестник Европы» 1992. 31 марта; 7 апр.; 22 апр.
5. Там же.
6. Российская газ. 1992. 24 марта.
7. Time. 1992. 21 Apr. P. 9.
8. ИТАР-ТАСС «Компас» 1992. 19 февр.
9. Military Balance, 1989—1990. London, 1990. P. 208.
10. Известия. 1992. 23 апр.
11. Моск. новости. 1992. 3 марта.
12. Экономика и жизнь. 1992. №30 С. 5.
13. Там же.
14. *Gelbraith J.* Die Zweifelhaften Rezepten Die Zeit. 1990. 25 Nv.
15. *Аганбегян А.Г.* Советская экономика — взгляд в будущее. М.: Экономика, 1988. С. 37, 40.
16. Там же. С. 4.
17. Правда. 1991. 13 янв.
18. Известия. 1991. 23 мая.
19. *Planecon. V. VII. N 32—33.* Washington, 1991. P. 2.